

ГЕНДЕРНЫЕ МУЖСКИЕ РОЛИ В СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТАХ

С. И. Кузнецова

Изменения института семьи и его стабильность находятся во взаимосвязи с возникающими ролевыми конфликтами, что обосновывает значение изучения проблематики гендерных ожиданий и их реализации. Показано, как рост дифференциации ролей и индивидуализация влекут за собой переформатирование привычного фрейма семьи и происходит переконструирование мужских гендерных ролей в семье.

В статье предпринимается попытка анализа ожиданий от ролевого набора мужчины в семье и возможных межролевых конфликтов на основе проведенного исследования. Объектом исследования выступили взаимные ролевые ожидания супругов в зарегистрированных и незарегистрированных браках, предметом – совпадения/несовпадения ролевых ожиданий брачных партнеров.

Ключевые слова: мужские гендерные роли, ролевые ожидания, межролевые конфликты, семейные роли.

Уход от традиционного распределения гендерных ролей и в целом их размывание [Исследование «Старт Маркетинг» 2014] становятся катализатором для обострения ролевых конфликтов, что в свою очередь ставит под угрозу стабильность семьи. Мы полагаем, что выраженность этой тенденции среди мужчин выше, поскольку трансформация традиционных мужских ролей воспринимается более остро, чем трансформация традиционных женских.

В статье предпринимается попытка анализа ожиданий от ролевого набора мужчины в семье и возможных межролевых конфликтов на основе проведенного исследования. Объектом исследования выступили взаимные ролевые ожидания супругов в зарегистрированных и незарегистрированных браках (114 пар, г. Екатеринбург), предметом – совпадения/несовпадения ролевых ожиданий брачных партнеров. Результаты получены методом анкетного опроса (114 пар, г. Екатеринбург) и методом экспертного интервью (5 интервью). Экспертами выступили кандидаты и доктора социологических и психологических наук, имеющие опыт исследований и/или преподавания по семейной, гендерной тематикам.

Об авторе:

Кузнецова Светлана Игоревна

магистр 2 курса
факультета политологии
и социологии Уральского
федерального
университета,
Екатеринбург, Россия.

Адрес для переписки: ул.
Самолетная, 33-28,
620001, г. Екатеринбург,
Россия.

E-mail: claire_st@mail.ru

Ролевой набор мужчины в современной семье – результат переплетений внешних факторов и внутренних противоречий в ожиданиях мужчин и женщин. Существующие сдвиги в социальных представлениях о гендерном порядке объясняют появление множества стилей индивидуальных жизней, в том числе семейных, что перетекает в гендерный дисплей. Гендерный дисплей – это вариант дисплея идентичности, отражающий многообразие проявлений, связанных с предписанными общественными нормами мужских и женских действий и взаимодействий. Драматургическая теория И. Гофмана утверждает, что «гендер создается в повседневности» и рассматривается как «результат социального взаимодействия и его источник» [Здравомыслова, Темкина 1998, 23]. Необходимо, по мнению И. Гофмана, учитывать структурную сущность среды и некоторые биологические основания.

Мы опираемся на идею Гофмана о фреймах как образах ожидаемых взаимодействий, предписанных расстановкой ролей данного субъекта и других участников в ситуации «здесь и сейчас» [Ядов 2011, 3]. Эта расстановка соответствует гендерному проекту. Фрейм включает в себя такие составляющие, как устойчивая структура, знания и ожидания относительно конкретного взаимодействия в заданной рамке, схему репрезентаций.

Тенденция ослабления нормативного разделения на маскулинность и феминность провоцирует возможность следовать традиционным представлениям или выбирать иные варианты поведения. Гендерный дисплей предполагает множественность реализуемых практик, заключенных одновременно с этим во фрейме.

В современном обществе нормы поведения мужчины и женщины конструируются и закрепляются в виде гендерных стереотипов, что включается в гендерный дисплей. Под гендерными стереотипами понимаются «устойчивые программы восприятия, целеполагания, а также поведения человека в зависимости от принятых в культуре норм и правил жизнедеятельности представителей определенного пола» [Меренков 2001, 161].

В обществе гендерные стереотипы поддерживают установку, согласно которой для женщины более значимой является роль домохозяйки, матери, пространством ее успеха является дом. Частная жизнь для нее важнее, чем профессиональная или политическая карьера. Успешность мужчины, напротив, достигается в публичном пространстве. Мужчинам предписывается материальное обеспечение семьи, для них важным является включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность [Ильин 2003].

Гендерные стереотипы проявляются в ходе взаимодействия людей и накладывают отпечаток на характер этого взаимодействия. Следы влияния гендерных стереотипов обнаруживаются во всех аспектах социального взаимодействия мужчин и женщин. Они являются фундаментом, определяющим особенности восприятия самого себя, других и всего комплекса отношений и входят в состав фрейма семьи в виде гендерных ожиданий.

Введение терминов «феминность» и «маскулиность» позволило укрепить представления о дихотомичности полов. Эти представления требуют поддержки со стороны общества, в результате чего индивид вынужден доказывать себе и другим свою принадлежность полу через соответствие феминным или маскулинным стереотипам. Они определяют ролевую ориентацию личности во всех сферах социальной активности, в том числе в устройстве семейной жизни.

Фрейм – устойчивая рамка воспроизведения ролей, в которой фиксируется дихотомичность мужского и женского, гендерного разделения функций в семье. Вместе с тем отмечается рост дифференциации ролей и индивидуализация, которые влекут за собой проблемы конструирования самоидентичности. Эти тенденции переходят на ролевой набор мужчины и женщины, результатом которых может выступать ролевой конфликт или «полоролевой стресс».

Проблема полоролевого стресса мужчины вошла в сферу социологического и психологического обсуждения в 80-х годах XX века. Один из первых теоретиков в вопросах маскулинности Дж. Плек рассматривал реализацию традиционного мужского поведения и дисфункции, связанные с ней. Главной проблемой становилось сохранение психологического здоровья мужчины. Дж. Плеком была разработана теория мужской полоролевой идентичности и создана новая парадигма напряжения мужской гендерной роли [Pleck, 1981]. Новый взгляд на гендер и гендерные роли соотносится с конструктивистским подходом, определяя основным фактором воздействия на гендерную схему социокультурный контекст.

В семейной сфере конфликт стереотипного набора ролей типичного мужчины, личных установок и ожиданий со стороны женщин и общества способны перерасти в кризис маскулинности. Выполнение традиционно женских функций мужчиной, в частности касающихся воспитания и ухода за детьми, оценивается в разных типах семей как недопустимые или допустимые вариации ролевого поведения.

Для мужчин семья выступает одним из подкрепляющих факторов их социальной жизни. На фоне общих тенденций изменений института семьи и перестроении ролевых расстановок внутри нее становится проблемным сохранение традиционного мужского образа. Прослеживается это на уровне ожиданий от разделения семейных дел.

Распределение обязанностей в современной двухкарьерной семье осуществляется по разным принципам. В случае демократического распределения функций или, напротив, несовпадения ролевых ожиданий относительно партнера развитие межролевого конфликта неизбежно. Ориентируясь на М. Лейбовица, который выделил структурные компоненты развития конфликта работающей матери, мы аналогично раскладываем их для современного мужчины: 1) отношения с детьми; 2) отношения на работе; 3) супружеские отношения; 4) отношение к себе. Рассмотрим содержание ролевых конфликтов, представленных в компонентах, через ролевой набор мужчины в семье.

Система сложившихся гендерных ролей поддерживает исключительность мужской роли отца и женской роли матери, которые сохраняют абсолютную привязанность к биологическому полу человека.

Существующие представления о мужских ролях в современной России являются преемственными, сложившимися в советский и досоветский периоды. Чаще всего такая политика обозначается как этакратическая: государственной идеологии подчинялись супружеские и детско-родительские отношения. В советский период статус отца ослаб, основную функцию воспитания на себя взяло государство.

Следует согласиться с Ж. В. Черновой, что в СССР сформировалась модель особого типа родительства – «советское» отцовство, предполагающее главным образом «выполнение мужчиной экономических обязательств перед женой и детьми: предоставление в их распоряжение его заработков, а также выплату алиментов и раздел имущества в случае развода» [Чернова 2012, 167]. Исключение отца из сферы воспитания обосновано гендерным разделением труда: формирование ребенка происходит в непосредственной близости с матерью, присутствие которой постоянно и длительно. «Присутствие отца фрагментарно, что связано с его ролью на оплачиваемом рынке труда» [Берд 2006, 12].

Негативные черты, связанные с исключением отца из сферы воспитания детей, приписанные «советскому» отцу, начали стираться в постсоветской России. Развитие новых моделей отцовства стало возможным после ухода от советского властного контроля семейной сферы и преодоления кризиса 90-х гг. В результате тип нового отцовства в России, предполагающий активное включение в традиционно женскую сферу, происходит через вытеснение сложившегося образа отсутствующего отца. Эксперты отмечают распространение новых родительских практик: «В последние лет 10 появилась тенденция к повышению активности отцов в повседневной жизни детей. Они кормят, гуляют, возят по кружкам-секциям и т. д. Наряду с этим отец принимает участие в решении важных вопросов для жизни ребенка: например, в какую школу он пойдет, в какой летний лагерь поедет и т. д.» [Эксперт №4]. Постсоветская перестройка произошла в ролях мужчины и повлекла за собой включение в зону женской компетентности, изначально подкрепленную стереотипами и правовыми нормами: «Молодые папы уходят на больничный лист по уходу за ребенком и даже в декретный отпуск до 3 лет» [Эксперт №3].

Нельзя говорить о широком распространении «нового» типа отцовства в его идеальном виде, но возможность встроиться в существующий фрейм с расширением спектра осуществляемых родительских практик оказалась достаточно существенным фактором для того, чтобы начать описывать современных семейно-ориентированных мужчин как новый социальный феномен. Таким образом, многообразие проигрываемых сценариев гендерного дисплея мужчин только увеличилось, что подтверждается результатами опроса.

Ожидания от реализации роли отца и участия мужчин в воспитании детей вложены во фрейм семьи, определяя принцип ролевых расстано-

вок. По результатам опроса согласованность ожиданий в компоненте родительско-детских взаимодействий имеет относительный характер.

Более половины опрошенных признают равное значение отца и матери в воспитании ребенка (63% мужчин, 72% женщин), пятая часть сохраняют представление о приоритете матери в воспитании детей (19%). Представляются варианты гендерного дисплея мужчины, в которых сохраняется или отсутствует установка на приоритет матери в воспитании детей. Ожидания от распределения родительских обязанностей имеют эгалитарный характер: по мнению большинства респондентов (75% мужчин, 88% женщин), муж должен заниматься детьми не меньше, чем жена.

На фоне совпадений ожиданий выявлены парадоксальные различия. Одновременно с определением значения отца и необходимостью разделения обязанностей существует большой разрыв в определении роли отца как ведущей в мужском ролевом наборе. Четверть мужчин (26%) отметили отцовскую роль мужчины в семье как основную, в то время как согласных с этим женщин только 9%.

Другой пример существенного расхождения показали результаты ответов о желании мужчин принимать большее участие в воспитании детей в бездетных парах: 12% мужчин озвучили эту потребность в противовес 1% женщин. Данные не говорят о том, что мужчины больше ориентированы на отцовскую роль, нежели от них ожидают этого женщины. Мы полагаем, что одновременно с установкой на отцовство присутствует фактор абстрактного подхода к родительской сфере: мужчины представляют себе ситуацию, в которой на данный момент не находятся, и не предполагают, что конкретно стоит за ролью отца. Женщины в свою очередь оценивают только те проблемы, которые касаются их в настоящий момент [Эксперт №1].

Мы полагаем, что существует стабильная ориентация мужчин на отцовскую роль и поддержание родительского авторитета в традиционном представлении, в то время как экспектации со стороны женщин имеют эгалитарную окраску и требование к совместному участию в родительско-детской сфере взаимодействий. Авторитет отца, как традиционный мужской образ, оказывается не состоятельным в современной семье в результате размытия гендерных ролей. Маскулинная природа категории становится номинальной.

Другой компонент, способный катализировать межролевые конфликты, - профессиональная сфера и ее сочетание с семейной сферой. Успехи в трудовой сфере для мужчин остаются более значимыми и сохраняют маскулинную окраску: ориентация на заработок и карьерный рост. Это косвенно дает возможность поддерживать статус главы семьи и роли добытчика. Для женщин профессиональная деятельность не исключает высокой оценки значимости, но предполагает иные стратегии осуществления и мотивацию. Интересы женщины при поиске работы в большей степени касаются возможности совмещения семьи и трудовой деятельности (отправляться с работы, близость к дому или детскому саду и т. д.) [Эксперт №1].

Феномен, влияющий на соответствие мужской идентичности, отмечен И. Коном: если раньше соперниками мужчин были мужчины, а женщин, соответственно, женщины, то в широком спектре современных общественных отношений мужчины и женщины могут конкурировать между собой [Кон 2009]. При этом результаты опроса показывают принятие новых стандартов профессиональной сферы, о чем свидетельствуют совпадения в оценке работы женщины и значении самореализации, как специалиста: 67% мужчин и 65% женщин признают совмещение работы и семьи женщиной, если это важно для её самореализации. Сохранение типично традиционного уклада, где муж выступает в роли добытчика, а женщина занята только семьей и воспитанием детей, составляет незначительную часть опрошенных (2% женщин и 4% мужчин).

Совпадающие ориентации мужчин и женщин на профессиональную деятельность и участие в материальном обеспечении семьи становятся причиной гендерного обесценивания ролей кормильца и главы семьи, что влечет за собой межролевые конфликты.

Современный тип семьи не закрепляет статуса добытчика исключительно за мужчиной, поскольку функцию ее обеспечения могут выполнять оба супруга. Для современных семей отмечается тенденция распространения двухкарьерного типа семьи, что отразилось в полученных результатах опроса: 80% опрошенных пар – двухкарьерные, 12% составляют пары с мужчиной в роли основного добытчика и 5% пар, в которых работает только женщина. Это подтверждает общие тенденции включенности супругов в трудовую сферу и объясняет последствия в виде выталкивания мужчин с позиции главного добытчика в семье.

Оценка деловых и профессиональных качеств своего супруга/супруги имеет несущественные различия между мужчинами и женщинами. Примечательно, что для пятой части опрошенных мужчин профессиональные качества жены не являются значимыми, более половины (65%), напротив, проявляют к ним интерес. При ответе на вопрос о влиянии включенности женщины в трудовую сферу на семейное самоощущение мужчины экспертом было отмечено, что «при эгалитарных отношениях муж гордится успехами жены, при патриархальных старается не замечать» [Эксперт №3]. Результаты имеют пересечение с оценкой главенства матери в воспитании детей (19% мужчин придерживается мнения о приоритете женщины в родительской сфере). Можно предположить, что вариант гендерного дисплея мужчины в семье с сохранением традиционных установок составляет примерно пятую часть.

Опираясь на полученные результаты и подход к определению главного материально обеспечивающего члена семьи через доход супругов, следует отметить, что в половине семей роль добытчика признается за женщиной (51%), доход супругов примерно одинаков у трети опрошенных пар. При этом доход не гарантирует признание мужчины в роли добытчика, поскольку для детей эта роль представляется через конкретные действия (например, покупка еды и других товаров), которые чаще осуществляет мать [Эксперт №1].

Наравне с размытием роли кормильца и отсутствием подкрепляющих статус главы семьи экономических и социокультурных оснований в семье возникают конфликты, связанные с высокой загруженностью на работе (25% женщин и 18% мужчин). Ответы демонстрируют неудовлетворенность женщин ролью добытчика в исполнении мужа (33%), вместе с тем 57% мужчин хотели бы принимать большее участие в материальном обеспечении семьи. Такое желание характерно для мужчин как высокого достатка и полностью обеспечивающих семью, так и при равном достатке супругов. Продиктовано это, на наш взгляд, потребностью мужчин соответствовать маскулинному традиционному сценарию с сохранением лидирующих позиций и экономическим подкреплением желаемого авторитета в семье.

Последствия могут выражаться в переносе конкуренции из профессиональной сферы, где она является нормой, в семейную: конкуренция за внимание ребенка, за материальное положение, престиж среди близкого окружения, за лидерство в семье. Сохранение патриархальных установок в виде сильного, способного обеспечить семью мужчины при общем размывании гендерных ролей в семье в большей степени характерно для мужчин. При этом декларируемая ориентация женщин на эгалитарную модель семьи с равноправным участием супругов в выполнении функций смешивается с сохраненными гендерными стереотипами. В итоге получается микс из традиционных ожиданий и эгалитарных ориентаций.

Вероятнее всего, традиционные ожидания в большей степени касаются личностных черт мужчины, его гендерной схемы. Эгалитарные ориентации определяют распределение функций в семье, где семейные обязанности разделяются между супругами. В большей степени это исходит от женщин, поскольку мужчины придерживаются достаточно традиционного восприятия семейной сферы. Роли кормильца, главы семьи перестают быть привязанными к гендеру.

Указанные тенденции прослеживаются при рассмотрении исследований об идеальном образе мужчины и женщины [Исследование «Старт Маркетинг» 2014], где фиксируется проблема несоответствия ролевого исполнения и ролевого ожидания. Женщины не видят четкой социальной роли у окружающих их мужчин, поэтому не могут сформировать четкий идеал внутри себя. Отмечаются разночтения при определении ролевых ожиданий между мужчинами и женщинами.

Мужчины вынуждены все больше ориентироваться не только на свои собственные групповые нормы, но и на женские ожидания [Кон 2009]. Особым качеством при этом выступает эмоциональность. Если мужчина исторически ассоциировался с силой и властью, то современные требования женщин к мужской чувствительности расходятся с традиционной маскулинностью.

Эксперты, участвующие в интервью, отмечали такие изменения, как появление мягкости и эмоциональности у мужчин, что традиционно представляется феминными чертами. Здесь в большей степени отмечается новое видение мужской идентичности, допустимости включения в нее нетипичных для маскулинности качеств и возможность выбора маску-

линых сценариев. Продиктовано это не столько ориентацией мужчин на конструирование отмеченных качеств, сколько потребностью соответствовать женским ожиданиям: женщины определяют на первое место роль мужчины как близкого человека, т.е. психотерапевта (77%), уступая роли главы семьи (45%).

Переформатирование эмоциональной составляющей в мужском гендерном дисплее не влечет прямого конфликта, поскольку мужчины признают роль близкого человека за мужем (60%), и ее оценка практически совпадает с приоритетом роли главы семьи (63%). Мужчины признают значение роли психотерапевта и готовы ее осуществлять.

Однако существует косвенное влияние оценки ведущих мужских ролей в семье. При существующем согласии мужчин с необходимостью оказывать эмоциональную поддержку жене, женщины предъявляют более высокие требования и отмечают неудовлетворенность реализуемой роли психотерапевта: 57% женщин хотели бы, чтобы муж принимал больше участия в эмоциональной поддержке, определяя эту потребность на первое место. 33% мужчин, выводя желание качественнее осуществлять роль психотерапевта на второе место после материального обеспечения семьи, ориентированы на ожидания женщин.

Мужчины оказываются ориентированными на женские ожидания, но не успевают за ними в той мере, в которой этого хотят женщины, создавая почву для реального конфликта.

Сформированные на социокультурном уровне требования для поддержания гендерной компетентности, в частности маскулинности от мужчин, становятся причиной полоролевого стресса. В совокупности с некогерентными ожиданиями от поведения мужчин и женщин на межролевом уровне, рассмотренные в составе ролевого набора мужчины, эти требования выступают причиной деконструкции традиционных представлений о мужской и женской гендерной схеме, вместе с тем сохраняются и традиционные требования к партнеру.

Множественность вариантов поведения, заложенная в гендерный дисплей, ограничивалась фреймом, поддерживающим привязку семейных ролей за конкретным гендером. В настоящее время фрейм традиционной семьи сменяется на новый, мозаичный «переходный» фрейм, в котором трудно обнаружить точку отсчета анализа переконструированных ролей. Закрепленность ролей за гендером становится неактуальной, что демонстрируют как семейные роли, так и профессиональные.

Ролевые конфликты становятся причиной появления вариативных стратегий семейного поведения. В результате мы наблюдаем дестабилизацию института семьи, в том числе появление мужчин и женщин, не желающих соответствовать сложившимся гендерным ожиданиям.

Список литературы

- 1 Берд Ш., Жеребкин С. Наслаждение быть мужчиной. Западные теории маскулинности и постсоветские практики. – СПб.: Алетейя, 2008. – 296 с.
- 2 Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 171–182.

- 3 Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
- 4 Исследование «Старт Маркетинг»: Портрет идеального мужчины и идеальной женщины. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий [сайт] [2014]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/02/26/6607> (дата обращения 20.03.2015).
- 5 Кон И. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.
- 6 Меренков А. В. Социология стереотипов / А. В. Меренков; М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 292 с.
- 7 Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 138–168.
- 8 Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал // Официальный сайт ИС РАН. [сайт] [2011] URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2024> (дата обращения 20.03.2015).